

Михаил ШЕМЯКИН:

Слабостей у меня — вагон и маленькая тележка

ЗНАМЕНИТЫЙ ХУДОЖНИК РАССКАЗАЛ «ВЕЧЁРКЕ» О ХОРОШИХ И ПЛОХИХ ПРИВЫЧКАХ, О ВКУСОВЫХ ПРИСТРАСТИЯХ И ОБ ОТНОШЕНИИ К ДУРАКАМ

ВЗАИМОПОНИМАНИЕ С МЫСЛЯЩЕЙ УЛИТКОЙ

— Если я правильно понял, вы в 70 лет впервые сели на велосипед?

— Нет, нет. Просто в последнее время мы с Сарой сделали привычкой езду на велосипеде почти ежедневно. Я увлекся. Для меня это даже не столько спорт, сколько иная, ранее не испробованная возможность наблюдения природы, открытия каких-то новых достопримечательностей — замков (во Франции их превеликое множество), архитектурных доминант, памятников да и просто интересных строений. Мы живем в интереснейшей местности — вблизи города Шатору. И теперь ежедневно благодаря велосипеду знакомимся с тремя-четырьмя замками.

— Михаил, но автомобиль предоставлял бы вам значительно больше возможностей для знакомства с окрестностями Шатору, и не только с окрестностями...

— Одно другого не исключает. Но из окна машины никогда не увидишь, что у тебя под колесами, например, улитка. В последнее время я часто спасаю улиток. После того как я многое узнал, читая, об этих удивительных моллюсках, я проникся к ним большущим уважением. Что такое улитка для человека? Для кого-то — брюхоногий моллюск, для кого-то — слизняк, для кого-то — ингредиент; бросил в кипяток, поварил сколько-то времени — вот тебе и суп. Оказывается, улитки — существа мыслящие. Оказывается, они спасают друг друга. Сейчас, когда я вижу ползущую по дороге улитку и понимаю, что ее вот-вот может машина раздавить, слезаю с велосипеда, беру в руки и отношу за обочину. Иногда мы с улиткой побеседуем...

— По-русски? По-французски?

— По-русски, по-русски. Вы смеетесь, а они, улитки, — удивительно любопытные существа. Одну, виноградную, я нашел на дороге в Шатору, на проезжей части. Машины едут, а она себе ползет! Еще чуть-чуть — и конец ей был бы! Я на руке привез улитку домой. Она, высунув глазки, с любопытством маленького ребенка смотрела туда-сюда — на лестницу, на потолок, на люстру. Это было так удивительно!

Разъезжая на велосипеде, я очень много фотографирую. Собираю полевые цветы для гербария. У меня громадное собрание сушеных листьев, из них я делаю коллажи. Исподволь готовлюсь к выставке довольно любопытной — танцующих листьев, которая будет называться «Гербариум».

— Когда и где планируется устройство экспозиции?

— Думаю, в Русском музее. Когда? Через пару лет, не раньше. Любой моей выставке предшествует большая, серьезная подготовительная работа.

РЕЖИМ НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ, НО МЫ ВЫДЕРЖИВАЕМ

— Как вы выстраиваете свой день? При таком обилии дел на сон должно оставаться в лучшем случае часа два-три...

— На сон времени мало остается. Поэтому говорить о моем рабочем дне очень сложно. Правильнее говорить о рабочей ночи, которая плавно переходит в рабочий день. Во всяком случае, когда нас с Сарой спрашивают, как мы переносим постоянную смену часовых поясов, отвечаем: без особых проблем. Мы же действительно — то в Америку, то из Америки, то сюда, в Россию, в Ханты-Мансийск (еще недавно, при прежнем, здравомыслящем, губернаторе округа), то на Кавказ, в Кабарду — на родину моих предков, теперь еще и в Воронеж, где я теперь преподаю в Академии искусств. У многих людей возникают проблемы с перестройкой организма. Кому-то надо два дня приходиться в себя, отсыпаться. А у нас с Сарой все нормально. Но в любом случае режим, по которому я живу, смело можно назвать не совсем человеческим. Но мы выдерживаем. Сару, правда, жалко. Бедняга, выпала ей такая судьба...

Быть супругой Шемякина — это тяжелый крест. Не каждая бы женщина выдержала. Но Сара — достойный потомок американских первопроходцев, которые с ружьями на плече шагали рядом с кибитками, ели что придется... (Сара: «Ну да, ежиков ели».)

— Михаил, машину Сара водит?

При моих интересах велосипед в каких-то случаях удобнее автомобиля. Да и для здоровья полезнее.

— Жена. Я не умею. Когда-то — не учился принципиально. Потом злоупотреблял алкоголем, страдал запоями. Я, слава богу, понимал: если получу водительские права, то одновременно получу и путевку если не для себя, то для кого-то другого — если не на кладбище, то в больницу. Пьяный за рулем — вы сами понимаете, к чему это может привести. Я знаю, что так же поступил и художник-абстракционист Серж Поляков, младший брат знаменитого гитариста Володи Полякова, с которым я работал. Когда Серж стал зарабатывать колоссальные деньги, он купил автомобиль, по-моему, даже Кандинского (это мне Дина Верни рассказывала), но принципиально отказался идти в школу водителей и завел себе шофера, потому что знал: может в любую минут сорваться и уйти в запой.

— Насколько я знаю, не только с запоями, а вообще с выпивкой давно покончено. Вы алкоголь не употребляете...

— ...двадцать лет! Наверное, это интересно — самому водить машину, но я уже привык, что Сара великолепно управляет автомобилем, а я могу, открыв окошечко, фотографировать. А то и покемарить. Это вторая причина, по которой я не стал учиться. Есть и третья: элементарно нет времени.

ИНОГДА ТАК И ХОЧЕТСЯ ТРЕСНУТЬ КОГО-НИБУДЬ ПО ШЕЕ

— Пьянство помимо всего прочего отнимает время у творчества...

— Мы — что я, что Володя — пили от перегрузок. Когда понимали, что организм не выдерживает. Как нам казалось, давали мозгу отдохнуть. Мой опыт показывает, что можно и без этого. Беда в том, что мы оба были запойные.

— Сейчас в России идет интенсивная борьба с курением. А на обложке книги Александра Петрякова «Зеркалье мастера», трижды, по-моему, пере-

изданной, фотография, где Шемякин с сигаретой. Я, честно говоря, давно не видел вас курящим...

— Я не курю. Давно. Сара, сколько лет? Семь? (Сара: «Девять».) Вот: девять лет. Однажды я понял: курение это — глупость. Да, да, тот самый порок, который я не терплю в людях! Понял, что кто-то на мне делает деньги. Да еще при этом гробит мое здоровье. Вот я однажды и бросил сигарету и сказал себе: «Все, с куревом покончено!» Говорят, бросить курить очень трудно, приводят слова Марка Твена: «Нет ничего проще, чем бросить курить, я это проделывал тысячу раз!» Ничего подобного! Никаких «тысячу раз» не потребовалось. Я просто дал себе команду и вот уже девять лет в рот не брал сигарету, и нет никакого желания взять. И потом: не для меня — быть в зависимости от кого-то или чего-либо. Начинаю себя презирать.

— Покончили с тем, бросили это... Но ведь должна же быть хоть какая-то слабость. Сладкое, например.

— Нет, я не большой любитель сладкого. Ну, если разобраться, то слабостей у меня, как у каждого человека, вагон и маленькая тележка наберется. Иногда хочется кого-нибудь треснуть по шее. Сдерживаешься. Иногда из кровати не хочется вылезать.

— И что же заставляет вас покидать ложе?

— Осознанная необходимость. Помните, как слуга будил великого философа Анри Сен-Симона: «Вставайте, сударь, вас ждут великие дела!»? По другой версии, так будили Фридриха Великого, когда он еще не был великим. Я же обычно сам себе говорю: «Вставай, парень, у тебя масса дел недоделанных».

— И тогда последний вопрос: вы в себе миссионерство чувствуете?

— Это очень опасное чувство на территории России. Оно ведет к печальным последствиям. Поэтом если такая шальная мысль проскочит, я ее стараюсь выжечь... перекисью водорода.

Гофмановские персонажи Шемякина красуются в витринах популярного магазина.